

*А.Н. Садовой***Традиционная хозяйственная специализация
автохтонного населения Алтае-Саянского экорегиона:
проблема устойчивого развития (XIX–XXI вв.)**

Ключевые слова: традиционная хозяйственная специализация, автохтонное население, Алтае-Саянский экорегион, районирование традиционного природопользования.

Key words: traditional economy, the indigenous peoples, Altai-Sayan mountains Ecoregion; traditional wildlife usage.

Анализ традиционной составляющей систем жизнеобеспечения и природопользования в настоящее время приобретает особую актуальность. Реформы начала 90-х гг. XX в. поставили перед значительной частью населения Алтае-Саянского экорегиона проблему адаптации к формируемому региональному рынку. Распад организации сельскохозяйственного производства, созданной в советский период, приватизация, массовая безработица, дефицит наличных средств обострили резкий рост значимости ресурсов этнической территории. Это объективно определило возврат к традиционным технологиям природопользования, что представляет угрозу для биоразнообразия экорегиона. Не случайно проблема развития альтернативных источников занятости в экорегионе является одной из структурных задач ряда проектов Программы развития ООН и Глобального экологического фонда (ГЭФ) [1].

Традиционные формы хозяйства в настоящее время трудно назвать ресурсосберегающими и экономически эффективными. В большинстве случаев они обеспечивают выживание и простое (не расширенное) воспроизводство населения, но не могут гарантировать устойчивый рост его благосостояния. Иной, не менее интересный аспект анализа проблемы заключается в том, что эти процессы объективно приводят к укреплению экономических (производственной и репродуктивной) функций семьи и системы межсемейных (родовых) связей. Идет имманентное восстановление социального института, активно разрушаемого государством в течение XX столетия. Парадоксальность ситуации заключается в том, что форсированная модернизация, направленная на создание правового государства и гражданского общества (демократизация социальных отношений), объективно может привести к восстановлению системы социальных отношений, характерных для начала XIX в., приведших к формированию межэтнических конфликтов. Механизм этого процесса достаточно прост: проведенный государством курс приватизации, направленный на интеграцию в рыночную экономику действующей номенклатуры и формирование на его основе слоя

крупных и средних собственников, не решил принципиальной задачи – создание условий (гарантий) для сохранения приватизированной собственности и ее наследственной передачи. В этих условиях для национальной элиты одним из наиболее оптимальных путей решения достаточно острой проблемы остается организация контроля за «традиционными» секторами регионального рынка и повышение своей конкурентноспособности за счет мобилизации всех ресурсов родственников (трудовые, земельные, политические). Воссозданный государством социальный слой «национальной буржуазии» (по марксистской терминологии) достаточно адекватен в стремлении укрепить свои экономические позиции через возврат к традиционным (родовым) системам производства и дистрибуции. Стоит отметить, что в этой стратегии нет ничего нового, она мобильна, пластична и характерна для большинства «традиционных» обществ мира, стоящих перед проблемой бесконфликтной интеграции в рыночную экономику.

В отечественной этнографической литературе, к сожалению, не сформировался инструментарий для выявления, комплексного анализа, прогноза средне- и долгосрочных социальных и политических последствий. Аналогичная ситуация характерна и для других областей знания; экономики, популяционной географии, этнической и социальной экологии. Данным обстоятельством и определяется проблема моделирования современных процессов на основе использования компаративного анализа (варианты: сравнительно-генетический, сравнительно-типологический) первичных источников по региональной истории и формирование банка этнографических источников на основе проведения этнологических экспертиз.

Логическим основанием для проведения компаративного анализа социальных процессов на территории Алтае-Саянского экорегиона по двум хронологическим периодам (на срезе XIX–XX и XX–XXI вв.) является фактически полная идентичность не только этнической структуры населения, но и решаемых государством задач. Для обоих хронологических отрезков характерно:

- проведение земельной и административно-территориальной реформы, направленной на трансформацию (ликвидацию) действующих до реформ социальных институтов;
- формирование «резервного» земельного фонда для решения природоохранных задач (лесной фонд,

заповедники, парки), системы арендных отношений на основе «отчуждения» традиционно осваиваемых автохтонным населением;

- игнорирование этнических интересов в области земельных отношений;

- политика протекционизма по отношению к Русской православной церкви (РПЦ); частному предпринимательству и жесткая линия по отношению к любому проявлению национального сепаратизма;

- исключительно высокий уровень коррумпированности местной администрации и практика повседневного контроля (вмешательства) над деятельностью представителей частного капитала.

Учитывая ограниченный объем публикации, рассмотрим только один из аспектов проблемы: определение уровня сохранности традиционной хозяйственной специализации автохтонного населения Алтае-Саянского экорегиона.

Материалы полевых исследований последних двух десятилетий показывают, что традиционное природопользование является не пережитком, сохранившимся после всех социальных экспериментов в области организации сельскохозяйственного производства, а явлением, имеющим ареальные формы.

Принципиальные различия в системах традиционного природопользования автохтонного населения экорегиона были выявлены уже в XIX в. Население Горного Алтая условно делилось исследователями на две группы – северных и южных алтайцев [2, с. 77]. В первую группу включалось население горно-таежных районов, специализирующееся на ведении промыслов (охоты, сбора кедрового ореха); во вторую – население центрального и юго-восточного Алтая, в хозяйстве которого доминировало экстенсивное скотоводство. Данное деление вошло органической частью в концепцию культурно-хозяйственного районирования региона, разработанную в советской историографии: уже по этнографическим материалам было выявлено распределение на юге Западной Сибири двух культурно-хозяйственных типов – пеших охотников и собирателей и скотоводов горных степей.

Удельный вес отраслей в хозяйственном комплексе в зависимости от места проживания менялся. В некоторых случаях из комплекса выпадали отдельные отрасли. Так, рыболовство, широко распространенное в Горной Шории, отсутствовало в среде автохтонного населения Центрального Алтая и Тофаларии, ирригационное земледелие не было характерно для населения высокогорных долин юго-восточного Алтая, на северо-восточном Алтае отсутствовало экстенсивное скотоводство, а животноводство не так серьезно было развито в условиях черновой тайги. В горных районах юга Восточной Сибири у тофаларов сформировался охотничий промысловый комплекс, базирующийся на использовании в течение зимнего промыслового цикла в качестве основного транспортного средства оленя.

В предреволюционный период пространственные отличия хозяйственной специализации в статистической форме пытались выразить при районировании Горного Алтая

Обе попытки были связаны с курсом Кабинета его императорского величества провести землеустройство в среде коренного населения и сформировать земельный фонд для распределения на основе аренды в среде русских переселенцев. Первая была предпринята в процессе обследования, проводимого в 1897–1901 гг. комиссией С.П. Швецова [3]. Вторая – в 1910 г. начальником Алтайского округа В.П. Михайловым [4].

С.П. Швецов провел группировку данных по пяти районам: Чуйскому (Чуйская, Курайская котловины, долины Чулымшана и Башкауса), Черновому (бассейн Бии, включая долину Лебеди), Левобережному (долины притоков по левому берегу Катунь), Правобережному (долины притоков по правому берегу Катунь), Западному (долины притоков по левому берегу Иртыша). Развернутого обоснования выделения именно пяти таксонов и предлагаемых между ними изопрагм дано не было. При районировании не прослеживаются принципов этнической и административной (по дучинам и волостям) привязки. Изопрагмы выделенных районов проводились по течению рек (правобережье и левобережье Катунь), по водоразделам без учета сложившихся систем традиционного землепользования населения. Выделенные С.П. Швецовым районы по линии юг (граница Российской империи) – север (Кузнецкий уезд Томской губернии) располагаются в следующей последовательности: Чуйский – Левобережный / Правобережный – Черновой.

По этой же линии происходит переход от высокогорья с характерными для него степными комплексами в межгорных котловинах к северному подножью (среднегорью), покрытому благодаря влагоаккумулятивной роли горных цепей центрального Алтая черновой тайгой. Более того, необходимо особо отметить, что продуктивная емкость островных степей от юга к северу повышается от 0,2 т/га фитомассы в Чуйской котловине (опустыненные степи, высотная отметка – 1750 м над ур. м) до 4,0 т/га на подгорной холмистой равнине с высотами 300–600 м над ур. м. При этом ареал лесов благодаря особенностям строения поверхности и климатическим параметрам довольно резко граничит с ареалом степей, что позволило отдельным специалистам при районировании не выделять лесостепного растительного пояса [5, с. 65–71; 6, с. 25].

Начальником Алтайского горного округа В.П. Михайловым предлагалась новая система районирования. В качестве основного принципа был взят удельный вес различных сельскохозяйственных угодий в землепользовании территориальных общин. Было выделено пять районов:

1. *Причерновой район* – долинный комплекс Бии с притоками, нижняя часть течения рек Сара-Кокша,

Кара-Кокша, Уймень, верхнее течение рек Иша и Майма. В качестве основных сельскохозяйственных угодий были выделены летние пастбища и сенокосы.

II. *Черновой район*. Границы с востока были проведены по водоразделу между реками Лебедь и Абакан, с юга по водоразделу между реками Кадрин и Сумульты, с запада граница шла параллельно Катунь с захватом верхнего течения рек Эдигана, Кубы, Чемала. Основным параметром для выделения района послужила низкая плотность заселения, локализация в рамках района исключительно летних пастбищ и отсутствие мест для развития интенсивного земледельческого хозяйства.

III. *Горно-земледельческий* охватывал бассейн среднего течения Катунь, долинные комплексы верховьев рек Сема и Песчаная. Выделен по степени распространенности пашенных участков и ирригационных сооружений, хотя с оговоркой, что в районе «земледелие не занимает в хозяйстве доминирующего значения».

IV. *Скотоводческий* охватывал левобережье Катунь. От Каянчи по направлению к югу район ограничивался Катунью до впадения в нее реки Тихая. Далее границы проводились водоразделом между Катунью и Бухтармой по хребту Холзун, затем по водоразделу между Чарышом и рекой Черная Убоя.

Основанием для выделения района послужило широкое распространение долинных комплексов, травяной покров которых «пригоден более для использования в качестве выгона, а не сенокоса».

V. *Высокогорный* не локализуется. В его границах земледелие «носит случайный характер, сенокосных участков мало... а единственной формой эксплуатации является здесь выпас скота на подножном корме» [4, с. 8–10, 16–23].

В целом система районирования, предложенная В.П. Михайловым, как и комиссией С.П. Швецова, отражала не только неоднозначность использования основных сельскохозяйственных угодий в условиях отличающегося ландшафтного окружения, но и существенные отличия в системах традиционного природопользования автохтонного населения.

Данные статистических обследований в дореволюционный период были использованы комиссией по изучению производительных сил Ойротской области 1926 г. В.С. Янпольского и П.Е. Абаймова (1929 г.), предложивших новую систему районирования на основе потенциальной возможности использования ресурсов региона с учетом последствий Гражданской войны и классовой политики советского государства [7, с. 8–9].

Основными признаками для исследователей служили характер растительного покрытия и орографические параметры в ракурсе возможности хозяйственного освоения территории. Ими было выделено четыре района: предгорный, черновой, смешанный

хвойный, горно-степной, горно-опустыненный. Для каждого из них была выявлена перспектива хозяйственного освоения.

I. *Предгорный черновой район* выделялся в пределах бассейна реки Лебедь и примыкал с севера к Талицкому хребту, Куминским белкам, водораздельному хребту между притоками Бии, с одной стороны, и притоками Катунь – с другой. Плотность населения, по мнению исследователей, являлась тормозом развития как земледелия, так и скотоводства, представляя населению основные средства к существованию от лесного промысла (охота, сбор кедрового ореха) и пчеловодства.

II. *Смешанно-хвойный район* локализовался в пределах между реками Ануй, Катунь, Уймень, Бия и ограничивался на юге Талицкими, Семинскими и Куминскими белками, на востоке – реками Уймень и Иша, а на севере – границей Бийского округа. Орографическая специфика (широкие речные долины, сглаженность водораздельных хребтов, повышающихся к юго-востоку) обуславливала отсутствие площадей, использование которых для нужд сельского хозяйства невозможно.

III. *Горно-степной район* локализовался в юго-восточном углу Горного Алтая, ограниченного на севере Талицкими и Семинскими белками, на востоке – Катунью и Аргутом, на юге – Катунскими Альпами и хребтом Холзун. Район характеризовался четко выраженной расчлененностью рельефа, развитой гидросетью и наличием степных пространств по долинам рек (Теньгинская, Уймонская, Усть-Канская степи). Зоны, перспективные для ведения сельского хозяйства, были выделены по долинным комплексам, альпийским лугам и высокогорным тундрам. Отмечались ограниченные возможности занятия земледелием, разброс пастбищных угодий, которые, по мнению исследователей, предопределяли преимущественное развитие скотоводства.

IV. *Горно-опустыненный район* ограничивался на востоке хребтом Сайлюгем, на юго-востоке – Чуйскими Альпами, на западе – границами горно-степного района, на севере – Куминскими белками и Талицкими горами. Высотные отметки, по мнению специалистов, делали развитие земледелия безнадежным занятием. Наличие больших площадей в долинах рек рассматривалось в ракурсе возможности использования исключительно под пастбища. В качестве отдельного подрайона была выделена долина Чулышмана (400–770 м над ур. моря), которая имеет условия, вполне пригодные для ведения земледелия, но вследствие небольшой ширины и сдавленности почти отвесными склонами окружающих гор представляет весьма ограниченные возможности для скотоводства.

Аргументация предлагаемой системы районирования базировалась на экологической предопределенности качественно отличающихся систем землепользования.

Статистические данные комиссии С.П. Швецова, отчетов В.П. Михайлова, В.С. Янпольского, П.Е. Абаймова, материалы обследования экорегиона по срезу XIX – начала XX в. позволили выявить экологическую обусловленность практикуемых систем жизнеобеспечения и ареальное распространение девяти систем землепользования территориальных общин [8, с. 161–177; 9].

В соответствии с определением таксонов, традиционным в экономической географии [10, с. 47] в качестве ареала предложено было рассматривать территорию, в пределах которой фиксировались детерминирующие отрасли (составляющие традиционных систем жизнеобеспечения), не являющиеся таковыми (вариант отсутствующие) на сопряженных территориях.

А. Промысловый ареал. Его изопрагмой служит граница, разделяющая горно-степные и горно-таежные ландшафты. Согласно геоботаническому районированию Горного Алтая Г.Н. Огуреевой [11], в качестве изопрагмы ареала можно рассматривать границу Северной Алтайско-Саянской геоботанической провинции. В его пределах на территории северо-восточного Алтая и Шории (бассейны Лебеди, Мрассу, Кондома) обитали шорцы и челканцы, на территории Саян – тофалары (бассейны Верхней Уды, Гутары, Нерхи).

Б. Земледельческо-скотоводческий ареал охватывал долину Чулышмана, межгорные котловины Центрального Алтая (притоки второго порядка Катунь), долинный комплекс Чулышмана. В его рамках практиковалось комплексное хозяйство, базирующееся на органичном сочетании отгонных форм скотоводства и ирригационного земледелия при ограниченном развитии промыслов. Изопрагмой ареала выступают высотные отметки пашен, зафиксированные исследователями в разных долинах Алтая [12, с. 71, 103; 13, с. 51; 14, с. 51]. Согласно последним культивация зерновых культур на территории Горного Алтая варьировала в пределах 1250–1500 м над ур. моря. Высотная изопрагма земледелия (1500 м над ур. м.) характерна и для ландшафтов Саян, например, в Тофаларии, где земледелие получило развитие на пойменных террасах только в 20–30-е гг. XX в. В рамках ареала находилась этническая территория алтай-кижи и телёсов. Контактной зоной с промысловым ареалом на северо-востоке Алтая можно считать верхнее течение Бии. В хозяйственном комплексе кумандинцев достаточно сложно выделить детерминанту хозяйственной специализации: богарное земледелие органически сочеталось с развитым животноводством и промыслами (охота и сбор кедрового ореха).

В. Скотоводческий ареал. Значительная часть населенных межгорных котловин Алтае-Саянского экорегиона находится на высотных отметках выше 1500 м над ур. моря, где развитие земледелия из-за

климатических ограничителей невозможно, а детерминирующей отраслью являлось скотоводство (кочевое, отгонное) при ограниченном развитии промыслов. На территории Горного Алтая ареал охватывает долин-ные комплексы Юго-Восточного Алтая – реки Чуя, Аргут, Башкаус, этническую территорию теленгитов (с начала XX в. и казахов). В соответствии с высотной зональностью природно-территориальных комплексов (ландшафтов) экорегиона изопрагмой, ограничивающей развитие скотоводства, можно считать изопрагму высокогорных тундр. За исключением Тофаларии, где последние использовались под оленные пастбища. В пределах ареала неиспользованной в хозяйственном отношении оставалась только нивальная зона.

Соотношение выявленных ареалов с таксонами, выделенными при геоморфологическом, орфографическом и геоботаническом районировании, было нами отражено ранее [9, с. 49, табл. 10].

Особо следует отметить, что проблема замкнутого контура изопрагм выявленных нами ареалов пока не получила конечного решения. Оно возможно на основе применения ГИС-технологий при охвате территории Монгольского Алтая, Тувы, Хакасии, Бурятии, «стыковке» разработанных в историографии систем районирования как природно-территориальных комплексов, так и практикуемых моделей природопользования.

Каждый из выделенных нами ареалов может рассматриваться в контексте пространственной взаимосвязи природно-территориальных комплексов и традиционной хозяйственной специализации, выступающей в качестве характеристики (вариант составляющей) традиционной системы природопользования автохтонного населения. Его можно считать традиционным уже в конце XIX – начале XX в. В этот период система расселения и структура населения были стабилизированы определением русско-китайской границы и административно-территориальным переустройством населения (по законам 1896 и 1899 гг.).

По результатам полевых исследований Кемеровского, Алтайского госуниверситетов, Института экологии (Горно-Алтайск), Иркутского государственного объединенного музея [15] прослеживается, что в настоящее время сохраняются те же пространственные закономерности традиционной хозяйственной специализации при обеспеченности хозяйств движимой собственностью (скот) и земельными участками на уровне существенно ниже предреволюционного.

Проводимый в течение XX в. государственный курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства не определил внедрение инновационных форм организации. Затраты на расширение районов ирригационного земледелия в Центральном Алтае и Хакасии, кооперативных форм организации полеводства, огородничества и животноводства (Шория, Тофалария) показали свою низкую эффективность. При

частичной ликвидации колхозной (60-е гг. XX в.) системы эти отрасли не получили дальнейшего развития.

Введение новых технологий скотоводства как результат селекционной работы, строительства и электрификации ферм на сезонных пастбищах; регуляции и повышение эффективности промыслового хозяйства на основе кооперативных форм организации сельскохозяйственного производства (совхозы, коопромхозы) также не привели к кардинальному и качественному изменению уровня жизни населения. Курс 90-х гг. XX в., направленный на ликвидацию «социалистического сектора» и развитие частного предпринимательства (фермерство, ОАО, ООО и др.), спровоцировал массовую безработицу и возврат к тем технологиям, которые гарантировали выживание и требовали минимальных финансовых и трудовых затрат. Площадь распахки резко сократилась и стала использоваться под выпас скота (в припоселковой зоне) и зимние пастбища. Массовый забой распределенного на паевой основе скота, с одной стороны, был экологически предопределен (снижение антропогенной нагрузки на летние пастбища). С другой стороны, проблема правового закрепления земельных паев, находящихся в разорванном контуре, существенно сужает возможности выбора оптимальных форм выпаса скота на сезонных пастбищах. Результатом стала натурализация хозяйства и внутриродовая (между родственными семьями) регуляция земельных отношений как в процессе организации отгонного скотоводства, так и при распределении промысловых участков.

Сохранились те инновационные формы активности, которые были или интегрированы в традиционные формы природопользования (пчеловодство, огородничество, садоводство), или адаптированы к региональным программам социально-экономического развития. На большей части экорегиона эти программы направлены на развитие рекреационного потенциала территории, что, на первый взгляд, позволяет ограниченной части населения вводить в практику развитие сети «зеленых домов», обслуживать туристические маршруты, участвовать в сети по производству и реализации товаров повседневного спроса, сувенирной продукции, организовывать пасеки, плантации лекарственных растений, создавать точки общественного питания (пропаганда традиционной кухни).

Региональная специфика этих процессов прослеживается в том, что инновационные технологии,

ориентированные на развитие частного предпринимательства, не получили широко распространения в среде автохтонного населения. Эта тенденция характерна для всех ареалов. Во многом это определяется его низкой конкурентной способностью в сравнении не только с русским населением региона, но и с волной предпринимателей Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей. Особенно отчетливо это прослеживается на территории Майминского, Чемальского, Шебалинского, Турочакского Онгудайского Республики Алтай, Таштагольского района Кемеровской области.

Материалы пилотажных исследований отражают непродуманное включение в ареалы традиционной хозяйственной специализации (природопользования) автохтонного населения зон рекреационного развития. Часть традиционно осваиваемой территории выпадает из традиционного хозяйственного оборота и входит в инфраструктуру туристической отрасли. Эта тенденция аналогична процессам, когда при создании переселенческих поселков в конце XIX – начале XX в. государством проводилось отчуждение сельскохозяйственных угодий, прилегающих к традиционным маршрутам отгона на сезонные пастбища, сенокосных угодий и промысловых участков. При выявленной устойчивой тенденции возврата к традиционным системам регуляции земельных отношений и увеличении экономической мощности хозяйств именно традиционная хозяйственная специализация способствует углублению процессов этнической консолидации и возникновению межэтнических земельных конфликтов, аналогичных протекавшим в начале XX столетия. Все это обуславливает необходимость выработки концепций устойчивого развития автохтонного населения экорегиона на основе принципов «Конвенции по биологическому биоразнообразию» (от 16.04.2007) и «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», принятой Правительством РФ (Распоряжение №132-р от 4.02.2009). Не вызывает сомнения, что в основе разработки концепции может быть только фронтальное обследование практикующихся систем землепользования и жизнеобеспечения, аналогичного исследованиям конца XIX – начала XX столетий.

Библиографический список

1. Проект ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altai-sayan.org>
2. Вербицкий, В.И. Заметки кочевого алтайца / В.И. Вербицкий // Вестник ИРГО. – СПб., 1858. – Вып. 24.
3. Горный Алтай и его население (материалы обследования 1897 г. комиссией С.П. Швецова). – Барнаул, 1900–1903.

4. Отчет начальника Алтайского округа действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910. – Барнаул, 1910.
5. Мордкович, В.Г. Степные экосистемы / В.Г. Мордкович. – Новосибирск, 1982.
6. Хмелев, В.А. Почвы низкогорий Северного Алтая / В.А. Хмелев. – Новосибирск, 1982.
7. Янпольский, В.С. Животноводство в Ойротском крае

(по данным экспедиции 1926 г.) / В.С. Янпольский, П.Е. Абаимов. – Новосибирск, 1929.

8. Садовой, А.Н. Территориальная община Горного Алтая в конце XIX – начале XX вв. (экологический аспект) / А.Н. Садовой // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990.

9. Садовой, А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.) / А.Н. Садовой. – Кемерово, 1992.

10. Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. – М., 1977.

11. Огуреева, Н.Н. Ботаническая география Алтая / Н.Н. Огуреева. – М., 1980.

12. Кабо, Р.М. Высокогорные степи Чуйской долины Алтая (природа и население) / Р.М. Кабо // Вопросы географии. – Сб. 5. – М., 1947.

13. Сапожников, В.В. Катунь и ее истоки. Путешествие 1897–1899 гг. / В.В. Сапожников // Известия Императорского Томского университета. – Томск, 1901. – Кн. 18.

14. Верещагин, В.В. Очерки Алтая / В.В. Верещагин. – Новосибирск, 1927.

15. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информационно-методический справочник / гл. ред. И.И. Назаров. – Барнаул, 2009.